

УДК 91

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.125.131>

КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ОКРУЖАЮЩИЙ ИХ МИР: ПАРАДИГМА ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ¹

©2022 г. В.А. Иванов

Дискурс-анализ текстов (нарративов) средневековых европейских (Плано Карпини, Гильом Рубрук, Риккардо де Монтекроче) и восточных (ал-Омари, Ибн-Баттута) авторов, касающихся кочевников Золотой Орды, позволил автору статьи сделать ряд выводов относительно взаимовосприятия европейским (католическим) и восточным (мусульманским) мирами кочевников, представлявших собой основную часть золотоордынского социума. В частности, с точки зрения европейских нарраторов, это был мир, представлявший потенциальную опасность для христианской Европы. С точки зрения восточных (мусульманских) авторов, этот мир не заслуживал сколь-нибудь серьезного внимания. Что же касается самих золотоордынских кочевников, то, в силу своей ментальности, обусловленной их образом жизни и идеологией, они были окружающий мир они воспринимали, прежде всего, как объект меркантильной эксплуатации.

Ключевые слова: дискурс, нарратив, кочевники, «татары», Золотая Орда.

THE GOLDEN HORDE NOMADS AND THE SURROUNDING WORLD: A MUTUAL PERCEPTION PARADIGM²

V.A. Ivanov

A discourse analysis of the texts (narratives) by medieval European (Plano Carpini, Guillaume de Rubrouck, Riccolando da Monte di Croce) and Eastern (Al-Omari, Ibn-Battuta) authors addressing the nomads of the Golden Horde has allowed the author of the paper to draw a number of conclusions regarding the mutual perception of nomads, who represented the main part of the Golden Horde society, by the European (Catholic) and Eastern (Muslim) worlds. In particular, from the viewpoint of European narrators, this was a world posing a potential danger to Christian Europe. From the viewpoint of Eastern (Muslim) authors, this world did not deserve any serious attention. As for the Golden Horde nomads themselves, due to their mentality accounted for by their way of life and ideology, they perceived the world around them primarily as an object of mercantile exploitation.

Keywords: Discourse, narrative, nomads, the Tatars, the Golden Horde.

Сейчас уже никому, даже самым стойким апологетами цивилизационного характера Золотой Орды (Улуса Джучи), не придет в голову отрицать этнополитический, этнокультурный и ментальный дуализм этого государства, впервые обозначенные одним из основоположников отечественного золотоордыноведения Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1976, с. 114). Более того, средневековые авторы – как нарраторы, так и дискурсанты – свои повествования о Золотой Орде начинали именно с описания кочевников, как основной и наиболее выразительной составляющей золотоордынского социума. Именно это и определяло парадигму восприятия этого государства окружающим его миром.

Но ведь и сами кочевники Золотой Орды не оставались безучастными «экспонатами» и реагировали на внешние раздражители в лице иноземных путешественников сообразно со своей ментальностью. Естественно, сами они никаких нарративов-дискурсов на сей счет не оставили. Поэтому в попытке представить себе характер именно взаимовосприятия двух миров – золотоордынского кочевого и оседлого (европейского и азиатского) – мы вынужденно должны опираться опять на те же европейские (католические) и арабо-персидские (мусульманские) нарративы и дискурсы.

Здесь возникает вопрос – что такое нарратив и что такое дискурс и как они между собой соотносятся?¹ Если брать обобщенно, то в философском определении нарратив –

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) (грант №22-28-01153: «Критический дискурс анализ (КДА) исследований по древней, средневековой и новой истории Южного Урала»).

² The paper was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (RSF) (grant No. 22-28-01153: “Critical Discourse Analysis (CDA) of Studies on the Ancient, Medieval and Modern History of the Southern Urals”).

это основная форма передачи традиционного знания в виде **субъективного повествования**, имманентно связанного с толкованием или интерпретацией сообщаемых сведений (История философии..., 2002; Энциклопедия..., 2009).

С дискурсом сложнее, поскольку однозначного четкого определения понятия «дискурс» нет. Среди лингвистов, например, вообще бытует мнение о том, что «четкого и общепринятого определения понятия "дискурс", охватывающего все случаи его употребления, не существует» (Григорьева, 2007). Что, очевидно, излишне категорично, поскольку многие современные специалисты в области критического дискурс-анализа (КДА) считают, что дискурс – это речь, ограниченная тематическим, социальным, языковым и коммуникативным полем, материальным воплощением которой является текст. Или по-другому, дискурс – это совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования (кто говорит, о чем говорит, с какой целью и для кого, какую лексику использует и т.д.), имманентная конкретной социальной, политической и культурной среде (Фуко, 2004; Филлипс, Харди, 2009; Тимошук, 2012). И конечно же, поскольку дискурс невозможен без субъекта – он так же **субъективен**. В этом его основное сходство с нарративом.

А *prigori* нарративы-дискурсы, с которыми нам приходится иметь дело, относятся к *типу исторических*, которые, в свою очередь, классифицируются на два вида: *первичный* исторический дискурс и *вторичный*. Первичный дискурс, порожденный первоисточником, «динамичен и уникален для восприятия каждым историком (здесь и ниже выделено мной – В.И.). Полифоничность исторического дискурса детерминирована историческими источниками и спецификой **восприятия содержащейся в них информации, которая интерпретируется в зависимости от мировоззрения историков**, что находит соответствующее отражение во вторичных исторических текстах, которые, в свою очередь, создают ментальное пространство, в котором ключевыми оказываются позиции и взгляды историка, автора конкретного текста, его собственная картина восприятия исторического прошлого. Исторический дискурс понимается неоднозначно» (Миньяр-Белоручева, 2015, с. 12).

Обращаясь к средневековым нарративам, мы имеем дело с первичными (для нас) историческими дискурсами, созданными на

основе первоисточников, каковыми в нашем случае являются личные наблюдения авторов-нарраторов и вызванные ими субъективные впечатления.

Обращаясь к истории кочевников Золотой Орды (Улуса Джучи), мы имеем дело с серией европейских (Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло, Риккольдо да Монтекроче, Хайтон (Геттум) из Карикоса) и арабо-персидских (Ибн-Васил, Ибн-Баттута, Ал-Муфаддаль, Ибн Фадлаллах ал-Омари)² нарративов, дискурс-анализ которых позволит нам хотя бы оконтурить характер взаимоотношений золотоордынских кочевников с окружающим миром.

Хронологически самым ранним из интересующих нас нарративов является сочинение Плано Карпини 1245–1247 гг. Нам известны три издания перевода Плано Карпини на русский язык: Д.И. Языкова 1825 г., А.И. Малеина 1911 г. и его же переиздание 1957 г. (Языков, 1825; Малеин, 1911; Путешествия в восточные страны..., 1957). В обоих случаях переводчиками текстов выступали высококвалифицированные знатоки латыни, что снимает какие-либо сомнения в качестве интересующих нас текстов.

Затем по времени следуют описание путешествия на восток Гильома (Виллема) Рубрука в 1252–1255 гг. (перевод с латыни того же А.И. Малеина), книга брата-доминиканца Риккольдо да Монтекроче, в 1291 г. встретившегося с «тартарами» где-то в Месопотамии, и письмо Хайтона (Геттума) из Карикоса – племянника киликийского короля Гетума, участника монголо-мамелюкских войн конца XIII столетия (перевод с латыни Р.Хаутала) (Хаутала, 2019, с. 152–153, 174, 210–212).

Следуя методике, предложенной теоретиками дискурс-анализа (ДА), мы должны придерживаться определенной аналитической схемы, главными звеньями которой являются ответы на вопросы: кто писал (социальная принадлежность), когда писал (эпоха или исторический период), цель составления и коммуникативная направленность нарратива-дискурса.

В нашем случае ясно, что мы имеем дело с представителями христианского духовенства, т.е. наиболее образованной страты средневекового общества. Каждый из них решал свою задачу, поставленную заказчиком-получателем информации. У Плано Карпини – это Римский Папа Иннокентий IV, по воле которого и с целью «принести пользу всему христианскому миру» автор отправляется в

длительное и опасное путешествие к «татарам», чтобы узнать их «истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы Татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа» (Путешествия..., 1957, с. 24).

Для Рубрука – французский король Людовик IX Святой, ревностный крестоносец, заинтересованный в поисках союзников против «сарацинов» в том числе и на Востоке. Посылая с этой целью Рубрука ко двору монгольского хана Мунке, Людовик дал ему задание описывать самым подробнейшим образом все, что он увидит у «татар» (Малеин, 1911, с. 65). То есть, и тот, и другой должны были собрать разведданные: первый – о вероятном противнике, второй – о потенциальном союзнике.

В отличие от них Рикколько де Монтекроче отправился на восток как учитель-миссионер, поэтому его «Книга паломничества» – это, по сути, учебный дискурс.

Столкнувшись с «татарами» европейские путешественники погрузились как бы в другой мир. Рубрук так и пишет: «Когда я вступил в их среду, мне совершенно представилось, будто я попал в какой-то другой мир» (Путешествие..., 1957, с. 91). Ему вторит Монтекроче: «Вступив же за пределы Турции, мы нашли ужасный и чудовищный народ тартар. Тартары же очень отличаются от всех других народов мира внешне, нравами и ритуалом» (Хаутала, 2019, с. 152, 174).

С точки зрения просвещенных европейцев, это был мир, населенный другими людьми. Что же это были за люди?

- Кочевники, обитающие в разборных каркасных юртах («ставках»), покрытых войлоком, поставленных на колеса и перемещаемых с места на место. Размеры юрт варьируются в зависимости от достатка владельца. Рубрук видел юрту диаметром 30 и более футов, платформу с которой тащили 22 быка. В средневековой Европе помещение площадью почти в 80 м² можно было увидеть только в дворцах высшей знати.

- Скотоводы, по обилию скота, особенно вьючного, превосходящие все другие народы.

- Всеядны: «их пищу составляет все, что можно разжевать», в т.ч. падаль домашнего скота и разная степная живность – суслики, сурки, тушканчики, лисы-корсаки, сайгаки и др. (Путешествия..., 1957, с. 35, 95). Излюбленный напиток «татар» – кумыс – настоль-

ко привлек внимание Рубрука, что он даже посвятил описанию его приготовления целую главу своего сочинения (Путешествия..., с. 96-97).

- Как неприхотливы в еде, так же неприятельны в одежде. И хотя получают дорогие ткани из Китая и Персии, и пушнину из Руси, предпочтение отдают меховым шубам одинакового покроя для мужчин и женщин и кожаными шароварам. Одежда богатого кочевника отличается использованием шелка при отделке, тогда как у бедняков шубы из овечьих, козьих или собачьих шкур.

- Неопрятны: не моют тела и не стирают одежду, не моют посуду после еды.

- В вере своей язычники, но верят в единого бога – творца всего сущего, поклоняются идолам, которым приносят жертвы, силам природы и почитают шаманов.

- В семейном быту многоженцы. Кроме того, практикуют позорный, (по определению Рубрука) обычай, когда по смерти отца сын берет себе его жен, за исключением собственной матери (Путешествия..., 1957, с. 27, 36, 101; Хаутала, 2019, с. 155). Но в целом «женщины тартар пребывают среди них в великой чести» (Хаутала, 2019, с. 154), а прелюбодеяние карается смертью обоих любовников.

- Внешним видом «отличаются от всех других людей» (данном случае – европейцев): плосколицые, скуластые, узкоглазые, борода и усы растут плохо, мужчины голову бреют, оставляя за ушами две косы. Росту не высокого, но телосложения стройного («в поясе они в общем тонки»). Правда, женщины у них толсты, да еще и «безобразят себя, позорно разрисовывая себе лицо» (Путешествия..., 1957, с. 26, 100; Хаутала, 2019, с. 152).

Нравы «татар» в описании европейских путешественников (преломленные через призму их европейского/христианского мировосприятия) достаточно противоречивы. Плано Карпини вообще разделил их на «хорошие» и «плохие». К первым он отнес повинование «татар» своим владыкам³, взаимовыручку, благожелательность и щедрость к соплеменникам, выносливость, целомудренность. Ко вторым – агрессивность, идеологически обоснованную заповедями Чингисхана, ксенофобию (под которой в данном случае подразумевается неприкрытое презрение к другим народам), коварство, алчность, неопрятность, пьянство как мужчин, так и женщин (Путешествия..., 1957, с. 34–35, 55, 95; Хаутала, 2019, с. 153–154).

Если европейские путешествия писали нарративы информационного характера, то их арабо-персидские «коллеги» составляли историко-политические дискурсы, в которых кочевой мир Золотой Орды (Улуса Джучи) занимал незначительное место. То есть, кочевники объектом арабо-персидских нарративов не являлись.

Сами нарративисты информацию о них либо компилировали (Ибн-Васил, Ал-Муфаддаль), либо получали из вторых-третьих рук (ал-Омари)⁴. Но в общем и целом облик золотоордынских кочевников в мусульманском восприятии вырисовывается аналогичным христианскому. А именно:

- Татары (кыпчаки) Золотой Орды – степные кочевники, обитающие в шатрах (юртах), поставленных на телеги;

- Абсолютно неприхотливы в еде: едят в основном конину и баранину, мясо и сало животных, добытых охотой, пьют молоко и напиток (дуки), приготовленный из проса.

- Неприятельны в одежде: «одеваются в шкуры животных», не обращая внимания на качество их выделки. Причем, если женщины (хатунь) одеваются роскошно, особенно бросается в глаза богато украшенная шапочка-бокка (боктаг, буктаг), то их мужья по своему одеянию ничем не отличаются от слуг.

- Женщины пользуются почетом, даже большим, чем мужчины; воровство у своих жестоко карается.

- Мы все прекрасно знаем, что любой нарратив субъективен. Это особенно наглядно прослеживается в сообщениях ал-Омари, полученных от различных информаторов, о ментальности золотоордынских тюрок/кыпчаков. Зайнеддин Омар, сын Мусафира: *«Это тупоумный и жалкий народ, у которого нет ни привязанности к какой-либо вере, ни проницательности, ни ума* (выделено мной – В.И.). *Вследствие бедственности их, происходящей от дурного положения...»*. Однако ниже тот же Зайнеддин Омар, уточняя сведения Эльхисина, сообщает автору: *«Все, что он (Эльхисин – В.И.) тебе рассказывал, верно»*. *В итоге ал-Омари делает заключение: «Тюрки этих стран, говорю я, [один] из лучших родов Тюркских* (выделено мной – В.И.) *по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станом, красоте фигур и благородству своих характеров. Из них [состоит] большая часть войска Египетского⁵, ибо от них [происходят]*

султаны и эмиры его [Египта]...» (Золотая Орда в источниках... с. 102-103, 109, 127-128, 131).

Таким образом, в лице золотоордынских кочевников («татар») нарративы европейских путешественников раскрывали перед христианской Европой чужой, непонятный и, в общем-то, враждебный мир восточных «варваров». Рикольдо де Монтекроче: «они представляются ненавидящими всякий город и всякое жилое здание. А именно, они разрушают почти все города и крепости, и все жилища и здания. И они **вредят более всего тому, кто перед ними более всего унижается** (здесь и ниже выделено мной – В.И.). Всякое же почтение, оказанное им, и всякую покорность они не принимают с благодарностью, а считают должными по отношению к ним: ибо они говорят, что они **являются истинными повелителями мира**. Они говорят также, что бог создал мир только для них, чтобы они в нем господствовали и наслаждались ... У них нет ни моральной философии, ни натуральной, ни культуры, ни почтения к какой-либо иностранной персоне» (Хаутала, 2019, с. 152, 174).

Плано Карпини: «Они весьма горды по сравнению с другими людьми и **всех презирают**, мало того, **считают их, так сказать, ни за что**, будь ли то знатные или незнатные... они не заключают мира ни с какими людьми, **если те им не подчинятся**, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингискана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы» (Путешествия..., 1957, с. 34, 55).

Одним словом, по своей ментальности «тартары ...представляются более всех отдаленными от спасения, поскольку у них нет никакого закона, кроме природного, который так-же очень у них испорчен из-за неправильного образа жизни: у них нет ни поста, ни храма, ни жречества, ни жертвоприношения, ни какого-либо еще способа, которым они были бы приобщены к духовной жизни» (Рикольдо де Монтекроче) (Хаутала, 2019, с. 174). Поэтому – вывод Рубрука – продолжение апостолата среди них бесполезно (Путешествия, 1957, с. 194).

Впрочем, Монтекроче полагал, что все ещё не так безысходно и «татар» можно вернуть «на путь истины» проповедями, а главное – воздействием на сознание их знати, «ибо плебеи их и простой народ настолько глупы и дикие, что никоим образом не желают обращаться, если им не обещают за это денежного вознаграждения» (Хаутала, 2019, с. 175).

Однако здесь католиков опередили мусульмане.

Мусульманские путешественники – а это были представители деловых кругов или ученые – к «татарам» относились более спокойно. Поэтому в их нарративах тревоги по поводу вероятности «татарского апокалипсиса» не прослеживается. И единственная уничижительная характеристика – «тупоумный и жалкий народ» – дана «татарам» Ал-Омари и то с чужих слов. Поскольку информаторы Ал-Омари были людьми деловыми, сообщаемые ими сведения имели явный оттенок прагматики: с точки зрения коммерции, «татары» интереса для них не представляли. Поэтому сам Ал-Омари – кабинетный ученый-энциклопедист, в глаза «татар» не видевший, довольствовался тем, что ему рассказывали эти негоцианты.

Ибн-Баттута хотя и видел золотоордынских кочевников, но, будучи неискушенным в научных изысканиях путешественником, сообщил о них только то, что запомнил – как известно, его сочинение «Подарок наблюдателям по части диких стран и чудес путешествий» было им надиктовано по памяти (Крачковский, 1957, с. 427–428). А запомнил он практически то же самое, что и его предшественники: Дешт-Кипчак – цветущая степь, по которой в своих юртах, поставленных на повозки-араба, кочуют тюрки/кыпчаки. Неприхотливы в быту: (например, тезек/кизык собирают все, даже старейшины) и пище (варят просяную похлебку из баранины (дуги), сдабривая её кислым молоком и запивая кумысом или просяной брагой – буза). Сладости презируют. В одежде непритязательны – мужа, едущего в одной повозке с женой и одетого в овчинную

шубу, можно принять за слугу – стирать одежду запрещено.

И вместе с тем, «Они [Кипчаки] народ крепкий, сильный и здоровенный» (Золотая Орда в источниках..., 2003, с. 125-143).

Если же взглянуть на эти сведения «зеркально», как на отражение мировосприятия кочевников, то становится очевидным, что для них весь мир, находящийся за пределами их ментального пространства, представлялся не более чем источником наживы. Причем, не важно, каким путем – завоеванием и покорением (в идеале), грабежом, вымогательством под разными предложениями. И этот поведенческий стереотип был устойчивым настолько, что и в начале XX столетия путешественники отмечали его у кочевников Центральной Азии. В записках русского путешественника-географа П. К. Козлова читаем: «В этом меновом городе (Донгэре – В.И.) особенно много толпилось на улицах куку-норских тангутов и тангуток; последние заставляли обращать на себя внимание пестротой одежд и оригинальностью спинных украшений, в виде двойных-тройных лент, богато убранных монетами, раковинами, гау, бирюзой и пр. Еще большее оживление вносили тангутские всадники, в карьер мчавшиеся по улице в полном вооружении. **Гордые, надменные степняки ничего и никого не боялись** (выделено мной – В.И.)...А у себя дома, в степи, эти гордые и надменные «степные рыцари» не гнушались вымогательством подарков, мелким воровством в экспедиционном лагере и попытками вооруженного грабежа (Козлов, 19, с. 70, 89). Открыто тем самым выказывая отсутствие почтительности «к иностранным персонам» - официальной научной экспедиции Русского географического общества.

Примечания:

¹ Понятно, что в виду имеются исторические нарративы и исторические дискурсы.

² Здесь названы только те авторы, которые действительно писали о кочевниках, а не только о религиозных или политических перипетиях в Золотой Орде.

³ То же самое отмечал и Монтекроче (Хаутала, 2019 с. 153).

⁴ За исключением Ибн-Баттуты, в 1332 г. самолично побывавшего в Золотой Орде.

⁵ Не будем забывать, что в данном случае речь идет о кипчаках/половцах.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.

Золотая Орда в источниках. Том 1. Арабские и персидские сочинения / Сост., вводная статья и комментарии Р.П.Храпачевского. М.: Наука, 2003. 448 с.

История философии. Энциклопедия / Сост. Грицанов А.А. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с.

Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. М.: АН СССР, 1963 522 с.

Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т.IV. М.-Л.: АН СССР, 1957. 919 с.

Иоанн де Плано Карпини. История монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Введение, перевод и примечания Малеина А.И. С-Петербург: Издание А.С.Суворина, 1911. 224 с.
 Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 2. С. 8–16.
 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.

Тимошук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 4 (12). С. 66–73.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Филлипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? // Современный дискурс-анализ. 2009. Т. 1. Вып. 1. С. 49–64.

Фуко Мишель. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341) / Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.

Энциклопедия эпистемологии и философии науки. / Гл. ред. Касавин И.Т. М: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 248 с.

Языков Д.И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV столетиях. СПб., 1825. 306 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Grigor'eva, V. S. 2007. *Diskurs kak element kommunikativnogo protsessa: pragmalingvisticheskie i kognitivnyi aspekty (Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects)*. Tambov: Tambov State Technical University (in Russian).

Khapachevsky, R. P. (ed.). 2003. *Zolotaia Orda v istochnikakh (Golden Horde Sources) 3. Arabskie i persidskie sochineniia (Arabic and Persian writings)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gritsanov, A. A. (comp.) 2002. *Istoriia filosofii (History of philosophy)*. Minsk: "Interpressservis" Publ., "Knizhnyi Dom" Publ. (in Russian).

Kozlov, P. K. 1963. *Russkii puteshestvennik v Tsentral'noi Azii (Russian Traveler in Central Asia)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Khapachevsky, R. P. 1957. *Izbrannye sochineniia (Selected Works) 4*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Malein, A. I (ed.). 1911. *Ioann de Plano Karpini. Istoriia mongalov. Vilgelm Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Saint Petersburg: "A.S. Suvorin" Publ. (in Russian).

Min'yar-Beloruicheva, A. P. 2015. In *Iazyk i tekst (Language and Text) 2 (2)*, 8–16 (in Russian).

1957. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

Krylasova, N. B. 2013. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series) 21 (1)*, 104–115 (in Russian).

Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ordy. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

Phillips, N., Hardy, S. 2009. In *Sovremennyi diskurs-analiz (Contemporary Discourse Analysis)*. 1 (1), 49–64 (in Russian).

Michel Foucault. 2004. *Arkheologiia znaniia (Archaeology of knowledge. L'archeologie du Savoir)*. Saint Petersburg: "Gumanitarnaia kniga" publ. (in Russian).

Khautala, R. 2019. *V zemliakh «Severnoi Tartarii»: Svedeniia latinskikh istochnikov o Zolotoi Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341) (In the Lands of 'Northern Tartaria': Information from Latin Sources about the Golden Horde during the Reign of Khan Uzbek (1313-1341))*. Series: Yazma Miras. Pismennoe

nasledie (Textual Heritag) 6. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Kasavin, I. T. (ed.-in chief). Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki (Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science). Moscow: "Kanon+" Publ., "Reabilitatsiia" Publ. (in Russian).

Yazykov, D. I. 1825. Sobranie puteshestvii k tataram i drugim vostochnym narodam v XIII, XIV i XV stotietiiakh (Collection of Journeys to the Tatars and other Oriental Peoples in the 13th, 14th and 15th Centuries). Saint Petersburg (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 14.03.2022 г.
Статья принята к публикации 14.05.2022 г.